

Ирина Васильева.

РЕКВИЕМ ПО СТАЕ

18+

Ирина Васильева

Реквием по стае

«Автор»

2026

Васильева И.

Реквием по стае / И. Васильева — «Автор», 2026

Трансформация — это не дар, а проклятие. Когда Антон Трофимов впервые обращается в зверя под светом полной луны, его жизнь превращается в кровавый кошмар. Но настоящие ужасы начинаются, когда он узнаёт правду: существуют монстры пострашнее оборотней. Древняя пустота, именуемая Легионом, просачивается сквозь трещины реальности, чтобы поглотить самую суть жизни. Чтобы выжить, Антону приходится примкнуть к разношёрстной стае подростков-изгоев под руководством сурового вожака Ильи. Вместе они учатся управлять внутренним огнём, превращая боль трансформации в оружие против теней. Однако враг оказывается умнее и древнее любых легенд. Потеряв всё, герои понимают: грубая сила лишь питает бездну. Их единственная надежда — найти хрупкий баланс между первобытным пламенем зверя и абсолютным холодом пустоты, став «Подем Равновесия».

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпилог. Гармония пепла.	5
Глава 1. Эхо тишины.	9
Глава 2. Призраки старого мира.	13
Глава 2.1. Сердце машины.	15
Глава 2.2. Падение в сингулярность.	20
Глава 3. Реквием по Альфе.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ирина Васильева

Реквием по стае

Эпилог. Гармония пепла.

Десять лет — это мгновение для древнего леса и целая жизнь для человека.

Антон стоял на крыльце их дома, вдыхая полной грудью воздух, пахнувший озоном после грозы и мокрой сосновой корой. Рука Леры легла ему на плечо, тёплая и живая. Она ничего не сказала, но эмпатическая волна спокойствия окутала его мягким коконом, заглушая отголоски кошмаров, которые всё ещё иногда приходили во сне.

Война закончилась. Настоящая война, а не мелкие стычки с остатками проекта «Феникс», которые до сих пор пытались выследить их по всему миру. Последняя битва у стен разлома в Сибири выжгла из реальности саму возможность существования пустоты в том виде, в котором её знал Старший.

Цена победы была чудовищной. Илья Полуночник, вернувшийся как Рейвенант — ходячий мертвец из обсидиана и воли, — совершил свой финальный прыжок. Он не просто закрыл

портал. Он шагнул в самый центр новорожденной сингулярности, став якорем. Его воля, закалённая годами борьбы внутри куба, стала фундаментом новой печати. Теперь там, посреди тундры, возвышался не чёрный монолит, а статуя из живого камня. Альфа застыл в вечном прыжке, сжимая в когтистых руках сердце тьмы. Это был памятник самопожертвованию, который видели лишь северные ветры да полярные волки Рогвара Белого Клыка.

Стаи Севера ушли обратно в свои владения, получив обещание Антона: если Песнь Пустоты зазвучит снова, Зов будет услышан. Но они молились своим старым богам, чтобы этот день никогда не настал.

Мила... Мила изменилась навсегда.

Она стояла на краю поляны, спиной к родителям. Её длинные платиновые волосы развевались на ветру, хотя сам воздух вокруг неё оставался неподвижным, словно она находилась внутри невидимого пузыря. На ней было простое льняное платье, которое казалось слишком земным для существа её калибра.

— Ты опять смотришь на звёзды? — спросил Антон, спускаясь с крыльца. Лера осталась стоять в дверях, предпочитая наблюдать издалека.

Мила обернулась. Ей было семнадцать, но глаза остались прежними — два колодца расплавленного серебра, в которых отражалась вся бесконечность космоса. Когда-то эти глаза пугали их до дрожи. Сейчас они были единственным окном в душу их дочери.

— Не на звёзды, папа, — голос Милы звучал мелодично, но в нём проскальзывали гармонии, недоступные человеческому горлу. Иногда, когда она говорила, стекло в окнах начинало тихонько вибрировать. — Я слушаю тишину между ними. Там, где раньше была песня Бездны, теперь звучит что-то новое. Словно Илье удалось не просто запереть её, а переписать партитуру мироздания.

Антон подошёл ближе и встал рядом. Ему пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Как ты себя чувствуешь?

Девушка улыбнулась, и эта улыбка осветила поляну ярче любого солнца.

— Я чувствую равновесие. Огонь и холод больше не рвут меня на части. Они танцуют. Папа, я наконец-то поняла, чему учил нас Хранитель перед смертью. Быть мостом — значит быть не разделительной линией, а местом встречи. Я — точка соприкосновения всего сущего.

Лера спустилась с крыльца и встала с другой стороны от дочери. Она взяла Милу за руку. Физический контакт всё ещё требовался им троим, чтобы чувствовать себя семьёй, а не набором сверхсущностей.

— А люди? — тихо спросила Лера. — Те, кто охотится на нас? Волков мёртв, но «Феникс»...

— ...больше не имеет значения, — закончила за неё Мила, переводя взгляд на мать. — Их технологии примитивны. Их страх жалок. Они пытаются создать оружие против того, чего не понимают. Они ищут способ контролировать Поля Равновесия, но видят в них только инструмент разрушения. Я закрыла все известные нам разломы. Новые не откроются, пока стоит печать отца. Человечество в безопасности. От нас.

В её словах не было высокомерия, только констатация факта. Она перестала быть человеком биологически много лет назад, но сохранила их любовь и память о том, кем была.

— Значит, мы можем жить спокойно? — с надеждой спросил Антон, хотя сам не верил в слово «спокойно» применительно к их жизни.

Мила посмотрела на него, и в серебряных глазах промелькнула искра чисто человеческого озорства, которая так напоминала им ту маленькую девочку, что играла со снегом у озера.

— Спокойствие — это иллюзия. Вселенная находится в постоянном движении. Но... я могу дать вам время. Время побыть просто родителями, а не стражами на границе апокалипсиса.

Она подняла свободную руку ладонью вверх. Над её кожей сформировался крошечный вихрь. В нём смешивались языки пламени и кристаллики льда, создавая причудливый узор, похожий на морозный рисунок на стекле, объятый пламенем изнутри. Затем она дунула на него, и миниатюрная галактика осыпалась на траву безвредными каплями росы.

— Завтра я ухожу, — внезапно сказала она, глядя вдаль, туда, где лес смыкался с горизонтом.

Сердце Антона пропустило удар. Лера крепче сжала руку дочери.

— Уходишь? Куда?

— Туда, где грань тонка. Мне нужно научиться управлять этой силой не интуитивно, а осознанно. Я должна стать хранителем баланса не только здесь, но и везде. Если я останусь, моё присутствие будет искажать реальность вокруг вас. Вы заслуживаете нормальной жизни.

— Нет! — вырвалось у Антона прежде, чем он успел подумать. Зверь внутри него взревел от одной мысли о расставании. — Мы семья. Мы остаёмся вместе!

Мила повернулась к нему и коснулась его щеки своей ладонью. Прикосновение было обжигающе горячим и одновременно ледяным, но оно не причиняло боли. Оно приносило покой.

— Именно потому, что мы семья, я должна уйти. Вспомни, чему учил тебя отец. Долг Альфы — защищать стаю любой ценой. Моя стая — это весь мир. И вы... вы моя опора. Пока я знаю, что вы здесь, в безопасности, я буду непобедима.

Она перевела взгляд на Леру:

— Мама, ты научила меня любви. Без этого я бы стала монстром похуже Старшего. Эта любовь даёт мне силы не поддаться голоду.

Лера всхлипнула и порывисто обняла дочь, уткнувшись лицом ей в плечо.

— Я не хочу отпускать тебя, солнышко.

— Я всегда буду рядом, — прошептала Мила, глядя мать по волосам. — Вы будете слышать меня в шуме ветра и видеть мой след в радуге. Я часть этого мира так же, как и вы.

Они простояли так долго, пока солнце не начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона. Наконец, Мила мягко высвободилась из объятий.

— Мне пора собирать вещи. Я вернусь к ужину.

Она пошла к дому лёгкой, танцующей походкой, оставляя за собой на мокрой траве следы, которые тут же покрывались тонким слоем инея, мгновенно превращавшегося в пар.

Когда дверь за ней закрылась, Антон и Лера переглянулись. В глазах обоих стояли слезы, но губы тронула одинаковая горькая гордость.

— Наша девочка выросла, — сказал Антон, притягивая жену к себе.

— Она спасла мир, — эхом отозвалась Лера. — А мы даже не можем испечь ей праздничный пирог по этому поводу.

Они рассмеялись сквозь слёзы. Это был смех выживших, смех тех, кто прошёл через ад и вышел на свет, пусть и опалёнными дочерна.

Ночью разыгралась буря. Небо раскололи молнии такой яркости, что ночь превратилась в день, а гром гремел без остановки, сотрясая фундамент дома. Это была необычная гроза. Молнии били не в землю, а из земли, устремляясь вертикально вверх, в ионосферу, словно пытаясь пробить небесный свод.

Антон проснулся первым. Он лежал, прислушиваясь к ритму дыхания спящей Леры и к симфонии стихии снаружи. Буря не пугала его. Он чувствовал её природу. Это была не агрессия природы, а выплеск чистой энергии.

Он встал, накиннул рубашку и подошел к окну спальни. Комната Милы выходила окнами на другую сторону, но сейчас весь дом казался центром циклона. Внезапно одна особенно мощная вспышка молнии очертила силуэт на гребне холма за поляной.

Это была она.

Мила стояла, раскинув руки крестом, запрокинув лицо к небу. Каждая новая молния проходила сквозь неё, впитываясь в тело девушки, заставляя её силуэт светиться изнутри пульсирующим белым светом. Её волосы стояли дыбом, образуя ореол вокруг головы.

Но самое невероятное происходило внизу. Из-под земли, повинаясь её воле, начали подниматься фигуры. Призрачные, полупрозрачные силуэты волков и людей. Армия мертвых, которую Антон призвал в Сибири ради последней битвы.

Илья был среди них. Обсидиановый гигант стоял чуть позади дочери, положив свою огромную когтистую лапу ей на плечо. Его каменное лицо не выражало эмоций, но в позе читалась отцовская гордость и защита.

Мила открыла глаза. Серебряный свет залил всю округу. Она медленно опустила руки и повернула голову, посмотрев прямо на окно спальни родителей. Несмотря на расстояние и стену дождя, Антон знал — она видит его.

Она приложила ладонь к груди, затем указала ею на небо, а потом плавно провела горизонтальную линию над головой, словно закрывая книгу.

«Я в порядке. Всё под контролем. Спи».

Затем она кивнула Илье. Тот убрал лапу с её плеча и начал растворяться в воздухе, возвращаясь в своё вечное заточение в сибирской тундре. Остальные призраки последовали его примеру, истаивая, как туман под утренним солнцем.

Буря начала стихать так же внезапно, как и началась. Молнии стали реже, гром отдалился.

Мила постояла еще минуту, провожая взглядом уходящую армию отца, затем развернулась и бегом бросилась к дому, скрываясь от проливного дождя.

Через минуту входная дверь хлопнула, и в коридоре послышался звук сбрасываемых сапог и шлепанье босых ног по полу. Дверь комнаты приоткрылась, и в щели показалась мокрая голова Милы.

— Простите, что разбудила. Проводила папу. Он просил передать привет.

Антон только хрипло вздохнул, чувствуя ком в горле.

— Заходи, вымокнешь совсем.

Она скользнула под одеяло между ними, принося с собой запах озона, грозы и чего-то неземного, первозданного. Лера сонно заворчала и инстинктивно обняла дочь, подгребая её поближе.

— Тепло... — прошептала Мила, зарываясь носом в материнское плечо. Через секунду она уже крепко спала, дыша ровно и глубоко.

Антон смотрел в темноту, слушая шум удаляющейся грозы и мерное дыхание двух самых дорогих ему женщин во вселенной. Он думал о том, что их история, начавшаяся с пепла сгоревшей заимки и эха погибшей стаи, пришла к своему логическому завершению.

Мир был спасён. Ценой крови, боли и жизнью. Но он устоял.

Где-то далеко, в глубине бескрайней тайги, обсидиановый волк замер в вечном прыжке, удерживая бездну. А здесь, в теплом доме на краю леса, спала девушка-богиня, ставшая новым законом физики.

Завтра будет новый день. И послезавтра тоже. Жизнь продолжалась...

Глава 1. Эхо тишины.

Десять лет — это срок, за который шрамы на душе успевают покрыться толстой коркой, но под ней всё ещё пульсирует живая, саднящая боль. Десять лет назад мир содрогнулся от беззвучного взрыва базы «Сигма», и с тех пор время для Антона текло вязко, как смола по стволу вековой сосны. Оно не лечило, оно лишь консервировало воспоминания в янтаре повседневности.

Антон сидел на крыльце их дома, вырезая из куска берёзового сувеля новую ложку. Руки действовали сами по себе: нож-резак ловко снимал тонкую стружку, пахнущую свежестью и лесом. Этот запах был единственным, что могло заглушить другой аромат — стерильный, мертвый запах озона и пепла, который, казалось, вьелся в его кожу навсегда после того случая в тундре.

Дом они восстановили. Не просто починили крышу и вставили новые окна взамен выбитых взрывной волной, а воссоздали атмосферу уюта, которую так яростно защищала Лера все эти годы. На стенах висели пучки сушеных трав, собранных ею в полнолуние, пол был выскоблен до желтизны, а в печи потрескивали дрова, испуская ровное, сухое тепло. Это была крепость. Их последний рубеж обороны против безумия внешнего мира.

Но сегодня эта крепость казалась пустой оболочкой.

— Тох, чай готов! — голос Леры прозвучал мягко, но в нём Антон уловил ту же самую нотку глухого отчаяния, что звучала и в его собственных мыслях. Эмпатическая связь между ними работала безупречно, даже когда слова оставались невысказанными. Они оба чувствовали эту пустоту. Дом был цел, семья была цела, но чего-то главного не хватало. Чего-то живого.

Мила ушла три дня назад.

Она не оставила записки. Просто проснулась раньше обычного, бесшумно собралась, положила в рюкзак пару энергетических батончиков, термос с чаем и растворилась в утреннем тумане, словно призрак. Для неё, способной парить над землей и перемещаться со скоростью мысли, понятие «граница» было условностью. Она сказала им об этом накануне вечером, сидя у камина.

— Мне нужно уйти, — её глаза, обычно пугающие серебряным блеском, в свете огня казались теплыми, карими. Почти человеческими. — Я слышу дисбаланс. Там, далеко на востоке. Песня меняется.

Тогда Антон попытался возразить, но осекся под её взглядом. Мила больше не была их маленькой девочкой, которую нужно защищать от теней под кроватью. Она стала самой сутью равновесия, воплощенным законом физики, принявшим форму семнадцатилетней девушки. Спорить с ней о безопасности было так же бессмысленно, как пытаться уговорить дождь идти вверх.

Лера вышла на крыльцо, протягивая ему кружку с горячим отваром шиповника. Пар поднимался к небу, смешиваясь с холодным воздухом октября. Женщина выглядела уставшей. Тонкие морщинки вокруг глаз стали глубже, хотя физически она оставалась такой же молодой благодаря регенерации оборотня. Но душевная усталость имеет свой вес, неподвластный звариной природе.

— Она вернется, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла Лера, присаживаясь рядом и кладя голову ему на плечо.

— Знаю, — соврал Антон.

Он отпил отвара. Горечь ягод немного прочистила сознание. Он снова взялся за резьбу, пытаясь сосредоточиться на плавном изгибе деревянной ручки. Дерево под ножом сопротивлялось, требуя внимания. Это помогало не думать о том, что где-то там, в сотнях километров отсюда, его дочь бродит по диким местам одна, сталкиваясь с тем, от чего он не может её защитить.

Тишину нарушил звук. Сначала тихий шелест гравия на подъездной дорожке, затем скрип тормозов старого внедорожника. Машина остановилась, не подъезжая близко к дому, словно водитель боялся спугнуть хозяев или опасался засады.

Антон напрягся. Его трансформация началась рефлекторно: мышцы на спине буграми проступили под ткань рубашки, зрение обострилось, позволяя видеть детали в густой тени леса, откуда выехала машина. Когти непроизвольно удлиннились, царапая деревянную рукоять ложки.

Из машины вышел человек. Один. Дверца хлопнула слишком громко в лесной тишине. Фигура медленно двинулась к дому, хромая и тяжело опираясь на трость.

Это был Виктор Савельев.

Антон узнал бы этого человека из тысячи, даже спустя десять лет. Когда-то холеный, самоуверенный руководитель Проекта «Аврора» теперь выглядел жалко. Дорогой костюм-тройка помят и покрыт пятнами дорожной грязи. Седые волосы, которые раньше были идеально уложены, свисали грязными патлами. Но самым страшным изменением было лицо. Маска холодного превосходства исчезла, обнажив маску сломленного старика. Глубокие тени

залегли под глазами, кожа приобрела землистый оттенок, а во взгляде плескалось затравленное безумие.

Виктор остановился в пяти шагах от крыльца, тяжело дыша. Он поднял руку с тростью, демонстрируя отсутствие агрессии. Серебряный набалдашник тускло блеснул в лучах осеннего солнца.

— Добрый день, Антон, Лера, — голос Виктора был хриплым, сорванным. — Простите... что без приглашения.

Лера встала, инстинктивно загораживая собой мужа. Её эмпатический щит вспыхнул яркой вспышкой чистой ненависти и тревоги.

— Что тебе здесь нужно, Виктор? — прорычал Артём, спрыгивая с крыльца. Трансформация завершилась наполовину: его верхняя часть тела уже напоминала бронированную грудь хищника, а челюсти начали вытягиваться. — У тебя есть ровно пять секунд, чтобы развернуться и уехать, пока я не спустил с тебя шкуру.

Виктор криво усмехнулся, но улыбка получилась болезненной.

— Брось, мальчик. Если бы я хотел вас убить, я бы прислал беспилотник с ракетой. Или отряд спецназа. Ты знаешь мои возможности. Я пришел... поговорить.

— Нам не о чем разговаривать с убийцей, — отрезала Лера. В её руке сам собой материализовался кухонный нож, лезвие которого начало покрываться тонким слоем инея — побочный эффект её эмпатии, работающей на пределе.

Виктор проигнорировал угрозу. Он перевел взгляд на дом, потом снова на них.

— Вы ведь чувствуете это, верно? — спросил он тихо. — Эту тишину?

Антон замер. Зверь внутри него рыкнул, но не от ярости, а от понимания. Именно это слово он искал весь сегодняшний день. *Тишина*. Отсутствие Песни. Раньше, даже после закрытия основного портала, эхо пустоты всегда присутствовало фоном — далекий гул, шепот на грани слуха. Сейчас же стояла абсолютная, звенящая пустота.

— Молчание печати пугает вас больше, чем её песня, — продолжил Виктор, делая маленький, осторожный шаг вперед. — И правильно делает. Потому что это не покой. Это затишье перед бурей. Энергия никуда не делась. Илья удерживал Старшего пять лет, Мила перенаправила выброс при коллапсе «Сигмы». Куда, по-вашему, ушла вся эта колоссальная масса энергии аннигиляции?

— Заткнись, — прошипел Антон, делая шаг навстречу. Воздух между ними начал нагреваться от его внутреннего жара.

— Она осела, — Виктор повысил голос, игнорируя опасность. — Осела глубоко в литосфере. Прямо под старым капищем Рогвара. Я видел данные спутников. Там формируется новый узел. Стабильный. Постоянный. И он растет.

Лера ахнула. Антон почувствовал, как ледяной ужас сковывает внутренности сильнее, чем жар пирокинеза.

— Проект «Феникс» воскрес, — Виктор горько рассмеялся, кашляя. — Эти идиоты думают, что могут контролировать процесс. Они бурят скважины, ставят датчики. Они хотят использовать ядро планеты как батарейку. Но они играют с огнем, который сожжет не только их, но и всю Сибирь. А следом — весь мир.

Он оперся обеими руками на трость, глядя на них снизу вверх с мольбой.

— Я изгнан. Меня списали со счетов. Мой проект уничтожен, состояние конфисковано. Но у меня остались знания. Данные исследований «Сигмы», которые Волков считал слишком опасными. Формулы стабилизации Поля Равновесия. Я знаю, как закрыть этот разлом, не прибегая к жертве уровня Ильи.

Повисла тяжелая пауза. Только ветер шумел в кронах деревьев да трещали дрова в печи.

— Зачем ты пришел ко нам? — спросила Лера, опуская нож, но не убирая щит. — Почему не к военным? Ты мог бы обменять информацию на амнистию.

Виктор посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде впервые за всё время промелькнуло что-то похожее на искренность.

— Потому что ваша дочь — единственный стабилизатор достаточной мощности. Мила — ключ. А вы... вы единственные, кому я могу доверить то, что знаю. Я хочу остановить это не ради спасения человечества. Я хочу спасти себя от вечного кошмара, в котором живу с момента встречи с этой тьмой. Помогите мне исправить мою ошибку.

В кармане Антона завибрировал телефон. Он достал его одной рукой, не сводя взгляда с Виктора. На экране высветилось сообщение от Милы. Одно слово:

«Знаю»

Антон посмотрел на жену. Решение пришло мгновенно, холодное и окончательное, как обсидиановый клинок.

— Входи, — сказал он Виктору, отступая в сторону. — Чай остыл, но мы заварим свежий. У нас впереди долгий разговор.

Виктор облегченно выдохнул, плечи его опустились. Он медленно поднялся по ступенькам, каждый шаг давался ему с видимым трудом. Войдя в дом, он остановился на пороге, принюхиваясь. Запах домашнего уюта, выпечки и сухих трав ударил ему в нос.

— Как странно... — пробормотал он. — Запах нормальной жизни.

— Это ненадолго, — жестко ответил Антон, закрывая дверь. — Собирайтесь. Мы едем в Сибирь.

За окном солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона. Где-то там, на краю сознания, Антону почудился отголосок знакомой мелодии — тихий, едва различимый вой Альфы, зовущего свою стаю на Последнюю Охоту. Но на этот раз охота будет вестись не на монстров из бездны. Им предстоит война с человеческой глупостью, вооруженной наукой, и с пробуждающимся гневом самой планеты.

И где-то посреди тайги ждала их Мила, слушая песню нового сердца Земли.

Глава 2. Призраки старого мира.

Путь до Новосибирска занял почти двое суток. Они двигались на север по Транссибирской магистрали, но не в комфортабельных купе экспресса, а в тесном, пропахшем соляжкой и застарелым потом кузове военного грузовика «Урал». Виктор Савельев, казалось, постарел еще лет на десять за время поездки: его трясло от каждого толчка на разбитой дороге, лицо приобрело землистый оттенок, и он постоянно кутался в старый армейский бушлат, хотя в кунге было душно.

Антон сидел у борта, прислонившись спиной к холодной стали. Трансформация была подавлена нейро-ингибитором — маленьким устройством, которое Виктор закрепил у него на шее перед выездом. Это был единственный способ пересечь блокпосты «Феникса» незамеченными. Прибор глушил звериную ауру оборотней, превращая их для сенсоров корпорации в обычных людей. Ощущение было мерзким — словно ходить с туго затянутым на горле ошейником, через который невозможно дышать полной грудью. Лера чувствовала себя так же; эмпатический щит вокруг неё пульсировал неровно, сбиваясь из-за помех ингибитора.

— Долго еще? — спросил Антон, глядя на Виктора. Полковник Волков снабдил беглецов транспортом и картами, но координаты новой базы «Феникса» были только у бывшего главы проекта.

Виктор поднял голову. Его взгляд блуждал, не фокусируясь ни на ком конкретно.

— Мы свернем через сто километров. Там заброшенный поселок геологов. Нас встретят мои... старые контакты. У них есть вездеход-амфибия. Дальше пойдем лесом, чтобы не попасть под спутниковое наблюдение.

Лера, сидевшая рядом с мужем, наклонилась вперед:

— Почему они помогают тебе? Ты же изгой.

На губах Виктора промелькнула тень той самой хищной улыбки, которую Антон ненавидел всей душой.

— Потому что я плачу щедро. И потому что даже самые верные псы начинают скулить, когда хозяин кормит их пустыми обещаниями вместо мяса. В «Фениксе» сейчас хаос. После исчезновения Волкова власть делят технократы и военные. Одни хотят вскрыть ядро планеты, другие — просто нажиться на продаже технологий стабилизации. Им всем нужны данные «Сигмы», которые я украл перед своим уходом.

Грузовик подпрыгнул на ухабе особенно сильно. Виктор глухо застонал, прижимая руку к боку.

— Что с тобой? — без тени сочувствия спросила Лера. — Рак? Или последствия контакта с нашими... друзьями?

— Хуже, дорогуша, — прохрипел Савельев, кривя губы. — Последствия контакта с вами. С тем выбросом энергии в кабинете Волкова. Я стоял слишком близко. Мои клетки... они распадаются. Медленно. Превращаются в пыль. Врачи дают мне месяц. Может быть, два. Поэтому я тороплюсь. Хочу успеть увидеть, как этот карточный домик рухнет.

Антон почувствовал странное, холодное удовлетворение. Зверь внутри одобрительно рыкнул. Справедливость иногда принимает форму медленной, мучительной болезни. Он отвернулся к зарешеченному окошку под потолком кузова. За мутным стеклом проносился однообразный пейзаж осенней тайги: бесконечная стена сосен и берез, сменяющаяся болотистыми низинами. Мир казался спокойным, спящим. Но Антон знал, что это иллюзия. Под этой землей, глубоко внизу, ворочалось нечто древнее и голодное, и каждый удар сердца этого монстра отдавался дрожью в корнях деревьев.

Встреча прошла гладко, насколько это вообще возможно в мире паранойи и предательства. Два угрюмых наемника в камуфляже без опознавательных знаков перегрузили их скуд-

ный багаж в гусеничный вездеход. Машина ревела двигателем, пробираясь сквозь чащу там, где раньше были дороги. К вечеру второго дня они достигли зоны отчуждения.

Здесь природа выглядела больной. Деревья стояли голые, хотя осень еще не успела коснуться этих мест своей кистью. Листва почернела и осыпалась, кора покрылась белесым налетом, похожим на плесень. Воздух пах озоном и чем-то сладковатым, приторным, как гниющие фрукты. Даже шум двигателя казался здесь приглушенным, вязнущим в плотной атмосфере.

Вездеход остановился на краю огромной поляны. В центре её возвышался комплекс «Феникса».

Это уже не была скрытая подземная база. Проект вышел из тени. Над землей вырос циклопический купол из армированного бетона и титана, матово-черный, поглощающий свет. От него во все стороны тянулись толстые кабели, уходящие в землю, словно щупальца спрута. По периметру стояла двойная линия ограждения под напряжением, вышки с пулемет

Глава 2.1. Сердце машины.

Комплекс «Феникс» не просто вырос из земли — он пророс сквозь неё, подобно метастамам раковой опухоли на теле умирающего мира. Это уже не была скрытая лаборатория или тайный бункер. Это был монумент человеческой гордыне, возведённый посреди гниющей сибирской тайги. Антон смотрел на это сооружение через оптический прицел снайперской винтовки, которую им выдали новые союзники Савельева. Лежка находилась на вершине холма в километре от периметра, замаскированная густым кустарником, который здесь почему-то сохранил остатки зелени, словно бросая вызов общей мертвечине.

— Ты видишь это? — прошептал Виктор, лежавший рядом. Его дыхание было хриплым, прерывистым. Запах болезни стал настолько сильным, что перебивал даже стерильную вонь озона, стоявшую над базой. — Они называют это «Объект Омега». Храм новой науки.

Антон молча повел стволом винтовки, осматривая периметр. Первое кольцо обороны представляло собой классический военный лагерь: пятиметровый сетчатый забор с колючей проволокой поверху, вышки с прожекторами и спаренными пулеметами, патрулирующие квадрочки с тепловизорами. Всё стандартно, предсказуемо. Но дальше начиналось то, от чего шерсть на загривке вставала дыбом даже через подавляющий ингибитор.

Второе кольцо состояло из генераторов. Десятки огромных турбин, закопанных глубоко в землю, гудели так низко, что звук отдавался вибрацией в костях. От них вверх поднимались столбы марева — искажение воздуха от колоссального выброса энергии. Земля вокруг генераторов спеклась в черное вулканическое стекло, а почва выглядела обезвоженной, как песок пустыни. Трава там не просто пожухла — она рассыпалась в прах при малейшем дуновении ветра.

В центре этого механического ада возвышался сам купол. Он не блестел полированным металлом. Его поверхность была матово-черной, поглощающей свет до такой степени, что казалось, будто смотришь в провал абсолютного ничто. Купол пульсировал. Раз в несколько секунд по его поверхности пробегала едва заметная рябь, похожая на судороги живого существа, и тогда воздух над ним начинал дрожать, создавая миражи раскаленного асфальта посреди октябрьского леса.

— Как они это делают? — тихо спросила Лера. Она лежала чуть ниже, используя складки местности для маскировки. Её эмпатия сейчас работала на пределе, но из-за помех нейроингибитора она чувствовала лишь глухую стену боли и пустоты, исходящую от комплекса. Это было похоже на попытку услышать музыку через бетонную стену.

— Квантовый резонанс, — прохрипел Виктор, доставая из кармана блистер с таблетками. Рука его дрожала так сильно, что таблетки застучали о пластик. — Они используют ядро планеты как резонатор. Помните, я говорил об оседании энергии? Они нашли способ не просто наблюдать за этим процессом, а... направлять его. Буровые установки уходят вниз на десятки километров. Они пробивают кору и достигли слоя, где магма встречается с мантией. Там невероятное давление и температура. Идеальная среда для создания стабильного энергетического канала.

Он судорожным движением вытряхнул две таблетки на ладонь и проглотил их всухую, скривившись.

— Они качают оттуда чистую энтропию. Энергию распада. Старший был прав — природа стремится к покою, к энтропии. «Феникс» решил ускорить процесс. Они хотят создать карманную сингулярность, управляемый разлом, чтобы черпать энергию Бездны напрямую, минуя посредников вроде нас.

Антон перевёл прицел обратно на купол. Внезапно пульсация усилилась. Поверхность черного гиганта вспыхнула изнутри ядовито-фиолетовым светом. Вспышка была короткой, но интенсивной, заставив автоматику винтовки автоматически затемнить линзы оптики.

— Что это было?

— Стабилизация поля, — ответил Виктор, прикрывая глаза рукой. Даже с такого расстояния свет был болезненным. — Или прорыв. Я же говорю, у них хаос. Технократов ведет доктор Шульман. Безумец старой школы. Он считает, что мы должны эволюционировать вместе с пустотой, стать её частью. Военные во главе с генералом Морозовым считают иначе. Для них это просто новый источник питания. Новый атомный реактор. Их конфликт дестабилизирует систему.

Лера резко села, забыв о маскировке. Её лицо исказилось от внезапного приступа головной боли.

— Там люди... Внутри. Много людей. И они... они боятся. Не врага. Себя. Они чувствуют эту силу. Она меняет их.

— Побочные эффекты, — равнодушно бросил Виктор. — Длительное воздействие полей высокой плотности вызывает мутации клеток. Некоторые сходят с ума, другие обретают способности, схожие с вашими, но нестабильные. Проект «Феникс» — это гигантский котел с радиоактивным супом. И скоро он взорвется.

Антон отложил винтовку. Дальнейшее наблюдение давало лишь подтверждение того, что они уже знали: соваться туда без плана — самоубийство. Прямой штурм невозможен. Даже если бы они собрали все стаи Севера, эта крепость перемолола бы любую армию. Нужна диверсия. Нужно попасть внутрь.

Они отползли назад, скрываясь за гребнем холма, и спустились к подножию, где их ждал вездеход и угрюмый водитель-наемник.

— Ну что, профессор? — спросил наемник, жуя спичку. — Убедились? Ваша затея пахнет хуже, чем мои портянки после недели в болоте.

Виктор медленно повернулся к нему. Несмотря на болезнь и слабость, в этот момент он снова стал похож на того властного хищника, которого Артём знал раньше. Взгляд Виктора впился в переносицу наемника, заставляя того невольно выпрямиться.

— Заткнись и вези нас на точку «Браво», — голос Савельева звучал тихо, но металл в нем звенел отчетливо. — Если всё пройдет успешно, ты сможешь купить себе остров в Тихом океане и забыть слово «болото».

Наемник фыркнул, но спорить не стал. Двигатель взревел, и машина тронулась, разбрызгивая грязь.

Точка «Браво» оказалась заброшенной деревней лесорубов километрах в двадцати от базы. Десяток полуразрушенных бараков, покосившиеся сараи и ржавые остовы тракторов. Место выглядело давно покинутым, но когда вездеход въехал на центральную улицу, из одного из домов вышли двое мужчин в гражданском.

Это были ученые. Антон чуял их запах — смесь дорогого парфюма, призванного скрыть запах пота, страха и специфической химии лабораторий. Никаких военных, никакого оружия на виду. Только планшеты в руках и нервные взгляды.

Один из них, высокий худой мужчина в очках с толстыми линзами, поспешил навстречу остановившейся машине. Узнав Виктора, он замер на полушаге. На его лице отразилась целая гамма эмоций: шок, недоверие, а затем — отчаянная надежда.

— Виктор Павлович? Вы... живы? Нам сказали, что вас списали в утиль после инцидента с «Сигмой».

— Жив, как видите, Аркадий, — Савельев выбрался из кузова, опираясь на трость. Каждое движение давалось ему с трудом. — Хотя чувствую себя немногим лучше мертвеца. Рад

видеть тебя в добром здравии. Значит, твои принципы всё ещё можно купить за правильную цену?

Аркадий (доктор физико-математических наук, судя по бейджу на заляпанном халате) побледнел еще сильнее.

— Это не то, что вы думаете. Мы заложники обстоятельств. Генерал Морозов держит наши семьи. Моих детей... они угрожают отправить их в карантинную зону, если мы не выдадим расчетную мощность ядра.

— Чушь, — отрезал Виктор, подходя ближе. — Морозов — дуболом. Ему нужны цифры, а не ваши сопливые семейные драмы. Это Шульман играет в психологические игры. Старый паук плетет сети. Но его время вышло. У меня есть данные, которые обрушат весь этот карточный домик. И мне нужен доступ к главному терминалу управления буровыми установками.

Ученый оглянулся на своего спутника, затем на мрачных оборотней, выходящих из вездехода.

— Главный терминал? Это самоубийство. Центр управления находится прямо под куполом. Уровень безопасности «Алый». Биометрия высшего допуска. Вас расстреляют на подходе. Виктор усмехнулся, и эта улыбка была страшнее любого оскала зверя.

— Именно поэтому нам понадобится твоя помощь, Аркаша. Мне нужна твоя биометрия. И коды доступа твоего отдела.

План, родившийся в прокуренном помещении одного из барачков, был дерзким до безумия. Настолько безумным, что имел шанс сработать именно потому, что никто в здравом уме не ожидал подобного хода.

Центр управления «Омегой» требовал авторизации двух человек одновременно. Двух разных отделов. Аркадий представлял отдел геофизики и квантовой механики. Второй ключ принадлежал начальнику службы внутренней безопасности, полковнику Елене Орловой. Проблема заключалась в том, что Орлова была фанатично предана проекту и никогда не покидала защищенный периметр центра.

Здесь в игру вступал дар Милы.

Связь с дочерью ощущалась тонкой, натянутой струной, вибрирующей на самой грани восприятия. Мила была далеко, но она услышала зов. Ответ пришел мгновенно, яркой вспышкой тепла в холодной тьме ментального эфира:

«Я вижу её. Она в западном крыле. Спит. Её разум закрыт щитом, но я могу найти трещину...»

Через час приготовления были закончены. Виктор, несмотря на протесты, настоял на своем участии. «Без меня система заблокирует доступ при любом подозрении на захват заложников», — заявил он.

Дискуссия о том, кто пойдет внутрь, была короткой. Идти должен был Антон. Его частичный оборот давал преимущество в скорости и силе, а опыт прошлых битв делал его идеальным диверсантом. Лера должна была остаться снаружи, поддерживая связь с Милой и готовая нанести отвлекающий удар эмпатическим импульсом, если ситуация выйдет из-под контроля.

Инъекция адреналина и стимуляторов немного взбодрила Виктора, вернув краски на его лицо, хотя Антону казалось, что он чувствует запах гниения, идущий от кожи профессора.

Они подъехали к внешнему периметру базы на старом грузовике снабжения, который наемники угнали вчера. Охрана на КПП проверила документы Аркадия (фальшивые пропуска сработали идеально), просканировала Виктора (индикатор показал статус «Консультант, уровень допуска В») и бегло осмотрела кузов.

— Что везете? — лениво спросил солдат, водя ручным сканером.

— Оборудование для калибровки датчиков в секторе Гамма, — бодро отрапортовал Аркадий, протягивая планшет со схемой. — Приказ доктора Шульмана. Срочно.

Солдат посмотрел на экран, кивнул и махнул рукой, пропуская машину.

Внутри периметра комплекс напоминал муравейник. Повсюду кипела работа: рабочие в оранжевых комбинезонах тянули кабели, инженеры сверялись с показаниями приборов, военные патрули следили за порядком. Воздух гудел от напряжения и низкого гула машин.

Грузовик остановился у неприметного технического входа в западной части купола. Здесь охрана была номинальной — никому не могло прийти в голову атаковать сердце системы изнутри.

— Три минуты, — шепнул Виктор, глядя на часы. — Ровно три минуты до смены караула на главном входе. Это наш коридор.

Антон выскользнул из кузова вслед за учеными. Трансформация шла тяжело — ингибитор сопротивлялся, вызывая тупую боль в мышцах. Когти прорезали кожу перчаток. Он чувствовал себя связанным.

Они прошли через шлюз дезинфекции, миновали пустой пост охраны и оказались в лабиринте технических коридоров. Здесь пахло озоном, горячим пластиком и дешевым кофе. Стены вибрировали от работы глубинных механизмов.

Аркадий провел картой по считывателю массивной стальной двери. Замок щелкнул.

— Блок геофльтрации, — пояснил он. — Отсюда идет прямой тоннель к шахтам лифтов центра управления.

Они вошли в просторное помещение, уставленное серверами и панелями управления. Посреди зала стоял огромный монитор, отображающий трехмерную модель земного ядра. Красная точка в самом центре пульсировала в такт сердцебиению планеты.

И тут всё пошло наперекосяк.

Из бокового прохода вышли два охранника. Не обычные солдаты, а оперативники спецподразделения «Феникса» в черной броне с закрытыми шлемами.

— Стоять! — рявкнул один из них, вскидывая короткоствольный автомат. — Кто разрешил доступ в этот сектор? Ваши пропуска недействительны!

Время замедлилось. Антон увидел, как палец охранника начинает выбирать свободный ход спускового крючка. Он прыгнул вперед, трансформируясь на лету, игнорируя дикую боль от сопротивления ингибитора. Частичный оборот разорвал одежду на спине, выпуская шипы и когти. Он врезался в ближайшего бойца, сбивая его с ног. Хруст ломающихся костей прозвучал оглушительно громко.

Второй охранник успел дать короткую очередь. Пули ушли в потолок, осыпав всех штукатуркой. Виктор, проявив неожиданную прыть, метнул свою трость. Серебряный набалдашник попал точно в стык брони на шее солдата. Тот захрипел и упал, парализованный электрическим разрядом защитного механизма трости.

Всё заняло четыре секунды.

В тишине, наступившей после схватки, раздался холодный, лишенный эмоций голос системы оповещения:

«Внимание. Обнаружено несанкционированное проникновение в блок геофльтрации. Протокол "Шторм" активирован. Блокировка секторов через десять секунд. Повторяю...»

На мониторе красная точка в ядре Земли начала мигать чаще.

— Быстрее! — крикнул Аркадий, бледный как полотно. — Лифт! Код «Альфа-два-семь-четыре»!

Артём отбросил тело поверженного врага и подбежал к панели лифта. Виктор уже был там, лихорадочно вводя свой код доступа. Индикаторы на панели сменились с красного на желтый.

— Девять секунд...

Двери лифта открылись с мягким шелестом. Внутри стояла полковник Елена Орлова. Она была одета в строгий деловой костюм, волосы уложены в идеальную прическу. В руке она

держала чашку кофе. При виде окровавленного монстра (Антон), двух ученых и умирающего на полу охранника, её бровь удивленно поползла вверх. Кофе даже не дрогнул в её руке.

— Какая интересная компания, — произнесла она ровным тоном. — Доктор Савельев. Я слышала, вы покинули нас столь... драматично.

Виктор шагнул в лифт.

Глава 2.2. Падение в сингулярность.

Лифт падал вниз с умопомрачительной скоростью, но ощущение было странным — не как при свободном падении, а так, будто сама гравитация решила поменяться местами с потолком. Желудок Антона подкатил к горлу, трансформация, начатая в коридоре, застыла на полпути из-за перегрузки. Когти втянулись обратно в плоть, оставляя саднящие раны, которые тут же начали затягиваться. Виктор Савельев тяжело опирался на стену лифта, его лицо приобрело синюшный оттенок, а дыхание вырывалось изо рта хриплыми свистящими звуками.

Полковник Орлова стояла неподвижно, словно статуя. Её чашка кофе исчезла, вероятно, выпав из рук в момент нападения или просто растворившись в воздухе от шока. Она переводила взгляд своих холодных серых глаз с окровавленного лица Виктора на звериную маску Антона (челюсти всё ещё были слегка деформированы) и обратно. В её взгляде не было страха — только профессиональный интерес патологоанатома, столкнувшегося с необычным образцом.

— Какая... замечательная биология, — произнесла она ровным тоном, поправляя лацкан пиджака. — Проект «Аврора» всегда недооценивал потенциал побочных эффектов. Вы, должно быть, Полуночник-младший?

Артём зарычал, чувствуя, как остатки адреналина бурлят в крови. Он сделал шаг вперед, инстинктивно закрывая собой Виктора.

— Не двигайся, мальчик, — голос Орловой оставался спокойным, но в нём зазвенела сталь. — Мы сейчас находимся на глубине трех километров внутри активной геотермальной зоны. Стены этой кабины сделаны из титаново-керамического сплава. Если ты попытаешься пробить их когтями, давление расплющит тебя быстрее, чем сработает регенерация. А если я нажму кнопку аварийной остановки, инерция превратит твои внутренности в фарш.

Она сделала паузу, облизнула губы и добавила:

— Так что давай вести себя цивилизованно. Я уже вызвала службу безопасности. У вас есть примерно сорок секунд до того, как они вскроют шахту сверху.

Виктор, справившись с приступом кашля, выпрямился. Несмотря на бледность и дрожь в руках, он сумел вернуть себе привычный вид надменного аристократа.

— Елена, дорогая. Ты блефуешь. Если бы ты действительно вызвала охрану, система оповещения заблокировала бы лифт на нашем уровне. Но мы продолжаем спуск. Значит, ты хочешь спуститься вместе с нами. Вопрос: зачем? Твой отдел внутренней безопасности курирует периферию, а не ядро. Что ты здесь делаешь?

Орлова медленно повернулась к нему. На её губах появилась едва заметная улыбка.

— Потому что, Виктор Павлович, сегодня утром доктор Шульман объявил о смене приоритетов проекта. Военные хотят использовать энергию ядра для создания оружия. Геофизики хотят стабилизировать разлом. А я... я хочу выжить. Когда эта штука внизу рванет, мне нужен козырь. И данные, которые ты украл у Волкова перед тем, как красиво взорвать базу, — это единственный билет отсюда.

— Данные уничтожены, — отрезал Виктор.

— Ложь. Ты слишком тщеславен, чтобы уничтожить то, что может дать тебе власть даже со смертного одра. Ты спрятал их. И я помогу вам добраться до терминала управления, если получу копию.

В этот момент кабина резко замедлилась, и желудок Антона болезненно дернулся. Динамики в углах потолка ожили, выплевывая механический голос системы:

«Прибытие на уровень "Нулевое Ядро". Температура окружающей среды: +417 градусов Цельсия. Атмосферное давление: 85 атмосфер. Биологическая угроза: критическая. Активирован протокол стерилизации».

Двери бесшумно открылись.

То, что предстало их взору, заставило Антона забыть обо всем. Это был не командный центр в привычном понимании. Это была гигантская полость, выдолбленная прямо в магматическом кармане планеты. Помещение имело форму идеальной сферы диаметром около ста метров. Стены состояли из того самого черного обсидианового стекла, которое когда-то формировало печать Ильи, но здесь оно пульсировало изнутри мягким фиолетовым светом, похожим на биолюминесценцию глубоководного чудовища.

В центре сферы, подвешенный на невидимых магнитных полях, висел сам объект. Это был кристалл размером с двухэтажный автобус. Его грани были идеально гладкими, но постоянно меняли геометрию, перетекая из куба в додекаэдр и обратно, нарушая законы евклидовой геометрии. От него во все стороны расходились волны искажения реальности. Воздух вокруг кристалла казался густым, тягучим, а свет преломлялся под невозможными углами, создавая эффект разбитого зеркала.

Но самым жутким было не это. Из нижней части кристалла, вплавляясь в обсидиановый пол, росло нечто. Оно напоминало корни дерева, но состояло из абсолютной черноты, которая не отражала свет, а поглощала его полностью. Эти щупальца пустоты прорастали сквозь камень пола и уходили глубоко вниз, туда, где билось сердце планеты. Они пульсировали в унисон с кристаллом, высасывая тепло и жизнь из земной мантии.

— Боже правый... — прошептал Аркадий за спиной Антона. Ученый забыл обо всех протоколах безопасности и подошел к краю платформы, глядя вниз с детским восторгом и ужасом. — Это не просто резонанс. Они создали симбиоз. Машина питается энтропией Старшего напрямую. Бездна нашла способ использовать человеческие технологии как проводник.

— Или люди используют Бездну как батарею, — мрачно добавил Виктор, делая неуверенный шаг вперед. Его трость стукнула о металлический настил переходной галереи, огibaющей сферу по периметру. Звук получился глухим, вязким.

Орлова прошла мимо них, направляясь к консоли управления, расположенной на противоположной стороне галереи. Это был массивный пульт из хрома и черного стекла, окруженный голографическими экранами, транслирующими потоки данных, понятные лишь специалистам.

— Добро пожаловать в ад, господа, — сказала она, прикладывая ладонь к биометрическому сканеру. Экран мигнул зеленым. — Код авторизации принят. Система ждет второго ключа. Доктор Зимин?

Аркадий вздрогнул, выходя из ступора. Он подбежал к соседней панели и начал вводить последовательность цифр.

— Процесс откачки энергии стабилен на 93.4%, — бормотал он себе под нос, сверяясь с показаниями. — Но коэффициент распада материи в зоне контакта растет экспоненциально. Смотрите! Уровень фоновой радиации превышает норму в десять тысяч раз!

На одном из экранов Антон увидел график. Кривая, показывающая потребление энергии, шла вертикально вверх. Но рядом ползла другая кривая — красная, прерывистая. Она обозначала «коэффициент нестабильности».

— Сколько у нас времени? — спросил Виктор, подходя ближе к перилам и заглядывая в бездну.

— При текущих темпах роста... — Аркадий побледнел еще сильнее, хотя казалось, дальше некуда. — Около сорока минут. Потом произойдет фазовый сдвиг. Материя начнет аннигилировать. Сначала база, затем... весь регион. Сибирский щит просто схлопнется в точку.

Антон почувствовал ментальный удар. Связь с Милой вспыхнула ярче сварочной дуги. *«Папа! Я вижу это! Эта песня... она неправильная! Илья там, внизу! Он кричит!»*

Голос дочери в голове звучал панически. Мила находилась далеко, но сила Поля Равновесия позволяла ей видеть суть вещей.

— Она права, — выдохнул Виктор, глядя на черный кристалл. — Я слышу его. Там, внутри этого камня, заперт Альфа. Энергия взрыва «Сигмы» не рассеялась. Она сфокусировалась на нем. Он стал ядром этой машины. Живым реактором.

— Невозможно, — отрезала Орлова, лихорадочно вводя команды. — Илья Полуночник мертв. Его тело испарилось.

— Нет, — тихо сказал Антон. Зверь внутри него завыл от боли узнавания. — Он не умер. Он стал фундаментом. Он держит эту дверь закрытой своим телом, пока эти идиоты качают через него силу пустоты.

Он посмотрел на Виктора. В глазах профессора плескалась та же страшная догадка.

— Нам нужно не остановить откачку, — прошептал Савельев. — Нам нужно разорвать связь. Обрезать корни. Но если мы сделаем это...

— ...Илья погибнет окончательно, — закончил за него Антон.

Повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гулом машин и тихим, утробным ворчанием кристалла.

— Выбор сделан за нас, — внезапно нарушила молчание Орлова. Она смотрела на свой монитор, и её лицо стало белее мела. — Охрана уже здесь. Они прорезают створки шахты. У нас пять минут.

Дальнейшие события развивались с калейдоскопической быстротой.

Виктор активировал украденный алгоритм. Аркадий, следуя его указаниям, перенаправил вектор энергетического потока. Вместо того чтобы качать энергию *из* ядра, они замкнули контур, заставив машину начать пожирать саму себя.

Кристалл в центре зала отреагировал мгновенно. Фиолетовое свечение сменилось ослепительно-белым, невыносимым для человеческих глаз. Пространство начало искривляться. Гравитация стала капризной: сначала она ослабла настолько, что Антону показалось, будто он весит как пушинка, а затем обрушилась на плечи многотонной плитой.

Черные щупальца, соединявшие кристалл с недрами земли, натянулись, вибрируя. По ним пошла волна отдачи. Энергия, которую «Феникс» крал у планеты, хлынула обратно, но теперь она была отравлена голодом Старшего.

— Держитесь! — закричал Виктор, хватаясь за поручень.

Стены сферы пошли трещинами. Обсидиан начал плавиться, стекая вниз раскаленными ручьями. Температура в зале поднялась до критических отметок. Нейро-ингибитор на шее Антона раскалился докрасна, обжигая кожу, и отключился с громким хлопком.

Трансформация произошла рефлекторно, защитная реакция организма на экстремальные условия. Боль трансформации смешалась с болью от жара, но регенерация оборотня работала на пределе возможностей. Шерсть на теле Антона начала тлеть, но тут же восстанавливалась.

Кабину лифта, застрявшую между уровнями, вырвало из шахты взрывной волной.

Глава 3. Реквием по Альфе.

Воздух в «Нулевом Ядре» превратился в жидкий огонь. Температура, которую датчики показывали как +417 градусов Цельсия, ощущалась физически — она давила на барабанные перепонки, обжигала легкие при каждом вдохе и пыталась расплавить сетчатку глаз сквозь закрытые веки. Антон чувствовал, как его кожа пузырится от ожогов и тут же стягивается обратно под действием бешеной регенерации оборотня. Это была попытка замедленного действия: тело восстанавливалось быстрее, чем разрушалось, но боль оставалась непрерывной, сводящей с ума симфонией агонии.

Кристалл в центре зала пульсировал уже не фиолетовым, а слепяще-белым светом. Он перестал быть геометрической фигурой; теперь это был комок живого света, постоянно меняющий форму, словно пытаясь вырваться из оков реальности. Черные щупальца пустоты, питавшие машину снизу, извивались как змеи в агонии. Они больше не всасывали энергию — они исторгали её обратно, смешивая первородный жар мантии Земли с ледяным дыханием Бездны.

— **СИСТЕМНЫЙ СБОЙ!** — механический голос системы оповещения звучал искаженно, то пропадая в инфразвуковом гуле, то возвращаясь визгом. — **ПРОТОКОЛ АВАРИЙНОГО ОТКЛЮЧЕНИЯ НЕВОЗМОЖЕН... КРИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕГРУЗКА...**

Виктор Савельев висел на перилах галереи, его пальцы побелели от напряжения. Трость он потерял при первом толчке. Его дорогой костюм тлел, источая запах паленой шерсти и горелой плоти. Он поднял голову, глядя на кристалл. В его глазах отражался белый свет, делающий их похожими на два раскаленных угля.

— Мы сделали это... — прохрипел он, сплевывая кровь. — Контур замкнут... Машина пожирает сама себя...

— Но Илья... — выдохнул Аркадий, цепляясь за консоль управления. Ученый выглядел жалко: очки разбились, один глаз заплыл гематомой, халат дымился. — Что будет с ним?

Ответ пришел сам собой, сотрясая всю сферу до основания.

Из самого сердца белого сияния раздался звук. Это был не рев зверя и не скрежет металла. Это был ментальный вопль такой мощи, что у всех присутствующих пошла носом кровь. Связь стаи, давно угасшая до едва заметного шепота, взорвалась в сознании Антона огненным штормом.

«**БОЛЬНО!**»

Голос Ильи Полуночника, их мертвого Альфы, ударил по разуму подобно тарану. Это было эхо боли, усиленное в миллион раз энергией аннигиляции. Кристалл, ставший его тюрьмой, начал трескаться. По идеально гладкой поверхности побежала паутина черных трещин, из которых сочилась не тьма, а чистый, дистиллированный свет.

Антон упал на колени, зажимая уши руками, хотя понимал, что звук идет изнутри головы.

— Папа! — крик Милы прозвучал прямо в мозгу, резонируя с голосом Ильи. — Я вижу его! Он там, внутри камня! Ему очень холодно!

Холод? Среди этого пекла? Антон понял, о чём она говорит. Боль Ильи была двойственной. Энергия пирокинеза сжигала его физическую оболочку, превращая обсидиан тела в чистую плазму, но сущность Старшего, запертая вместе с ним, вымораживала душу дотла. Две противоположности сошлись в одной точке, создавая абсолютный ноль посреди ядерного взрыва.

Полковник Орлова, чудом удержавшаяся на ногах, метнулась к главной панели. Её лицо было перекошено яростью и страхом.

— Нет-нет-нет! Вы идиоты! Если дестабилизировать ядро здесь, резонанс пойдет по всей тектонической плите! Сибирский щит превратится в супервулкан! Нужно сбросить нагрузку во внешний контур!

Она лихорадочно била по сенсорному экрану, но система игнорировала команды. Красная кривая нестабильности на графиках Аркадия пересекла критическую отметку и устремилась вертикально вверх.

— Поздно! — закричал ученый. — Фазовый сдвиг начался! Материя теряет когезию!

И он был прав. Пространство вокруг центрального кристалла начало «плыть». Металлические конструкции галереи, пол, сами стены сферы — всё теряло четкость очертаний, становясь полупрозрачным, эфемерным. Воздух искрил статическими разрядами, которые били не вверх, а вбок, следуя новым законам гравитации, создаваемым сингулярностью.

Внезапно одна из опорных балок, державших галерею, со звоном лопнула и просто исчезла, превратившись в облачко серого праха. Участок пола метрах в пяти от них провалился вниз, открывая вид на кипящую магму, которая почему-то текла *вверх*, притягиваясь к черной сердцевине кристалла.

— Нам нужно уходить! Сейчас же! — прорычал Антон, поднимаясь на ноги. Трансформация завершилась окончательно: он стоял на четырех лапах, покрытый густой черной шерстью, способной выдержать этот ад еще несколько минут.

— Куда?! — истерически рассмеялся Виктор. — Лифт уничтожен! Шахта заварена! Наверх нам пути нет!

— Есть другой путь, — голос Милы в голове Антона стал твердым, взрослым. Она говорила не голосом подростка, а голосом существа, познавшего суть мироздания. — Тот, которым прошел отец. Через него.

Она имела в виду Илью. Антон посмотрел на кристалл. Трещины расширились. Внутри, в самом эпицентре белого пламени, проступал силуэт исполинского волка. Обсидиановые мышцы бугрились, лапы были расставлены в стороны, словно он пытался удержать рвущиеся наружу небеса. Голова была запрокинута к потолку в беззвучном крике.

Это был памятник страданию. Живое воплощение долга.

— Я должен вытащить его, — рыкнул Антон. Решение пришло мгновенно, холодное и ясное. Звериная часть природы требовала бежать, спасти свою шкуру, но человеческая совесть и долг перед вожаком перевесили инстинкт самосохранения.

— Ты с ума сошел?! — Лера схватила его за загривок (единственное место, за которое можно было ухватиться), когда он прыгнул через ограждение галереи. Эмпатический удар страха жены хлестнул по сознанию, но Антон заблокировал его. — Там давление расплющит тебя! Температуры хватит, чтобы испарить танк!

— Не расплющит, если мы уравновесим полюса! — крик Виктора прорезал хаос. Профессор каким-то чудом нашел в себе силы встать. Он шатался, как пьяный, но глаза горели безумным огнем научного прозрения. — Мила! Девочка моя! Ты слышишь песню? Стань мостом! Как тогда, в кабинете Волкова! Дай ему свой холод, чтобы погасить его огонь! А ты, щенок, дай ему свой огонь, чтобы согреть его лёд!

План был безумен. Самоубийственен. Но это был единственный шанс.

Мила ответила мгновенно. Серебряный канал связи открылся так широко, что Антону показалось, будто его сознание сейчас разорвет пополам. Мир изменился. Он увидел реальность в спектре энергий. Белый кристалл в центре пылал как сверхновая, но внутри него билось черное сердце абсолютного нуля. И между этими двумя крайностями, разрываемый на части, находился Илья.

Антон почувствовал присутствие отца. Оно было слабым, дрожащим, как пламя свечи на ветру, но оно было.

«Сын...» — мысль Ильи была подобна шелесту опавшей листвы. *«Не надо. Спасайтесь. Моя песня почти донета».*

«Нет», — ответил Антон, вкладывая в ментальный посыл всю ярость своего внутреннего огня. *«Ты Альфа. Ты ведешь стаю. А я твой наследник. Я приказываю тебе жить».*

Он прыгнул.

Падение длилось доли секунды, но для сознания, работающего на пределе возможностей, растянулось в вечность. Жар обнял его со всех сторон, пытаясь выжечь самую суть зверя. Шерсть вспыхнула, кости начали плавиться. Антон направил весь свой внутренний очаг не на защиту, а вовне. Он представил свой жар как поток чистой жизни, направленный точно в центр кристалла.

Одновременно с этим сверху ударила волна холода. Это была Мила. Она не спускалась физически, она проецировала свою силу через связь. Невидимый луч абсолютного нуля вонзился в кристалл с другой стороны.

Две противоположности встретились.

Вместо того чтобы уничтожить друг друга в колоссальном взрыве, они создали точку стабильности. Микроскопическую область идеального равновесия прямо над головой Ильи. Огонь Антона нейтрализовал вымораживающий голод Старшего, а холод Милы защитил тело Альфы от испепеляющего жара распада материи.

Эффект был мгновенным.

Давление на Илью ослабло. Обсидиановые шипы на его спине перестали крошиться. Огромная голова медленно повернулась. Желтые глаза Альфы, потухшие много лет назад, вспыхнули янтарным огнем.

«Вы... пришли за мной?»

«Да», — выдохнул Антон, чувствуя, как его собственные резервы подходят к концу. Регенерация не справлялась с температурой. Кровь в жилах начинала закипать. «Держись за нас. Мы вытащим тебя отсюда».

Но Илья лишь покачал гигантской головой. Даже в этом состоянии он оставался мудрым вожаком, думающим о стае.

«Нельзя. Якорь держит печать. Если я уйду, Старший вырвется. Весь гнев бездны обрушится на поверхность. Вы должны оборвать корни».

Он имел в виду черные щупальца, уходящие в недра земли.

«Как?!» — мысленно крикнул Антон.

«Огнем и верой. Так же, как закрывают раны. Прижги их. Запечатай выход».

Это означало смерть. Чтобы прижать эти щупальца к земле и сплавить камень, требовалось физическое воздействие чудовищной температуры. Находясь в эпицентре фазового сдвига, живое существо не могло выжить.

Илья принял решение за всех.

Собрав остатки своей титанической воли, он высвободил колоссальный импульс энергии. Это не была атака — это был жест освобождения. Он оттолкнул Антона и Милу ментальным ударом такой силы, что их связь разорвалась, отбросив сознание детей прочь из ядра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.